

Cowards die many times before their deaths;
The valiant never taste of death but once.

Трус умирает много раз до смерти,
А храбрый смерть один лишь раз вкушает!

*Уильям Шекспир. Юлий Цезарь.
Акт I, сцена 2
Перевод М. Зенкевича*

DRAMATIS PERSONAE¹

Юлий Цезарь (Гай Юлий Цезарь) — законник, военный трибун

Семья Юлия Цезаря

Аврелия — мать Юлия Цезаря

Корнелия — жена Юлия Цезаря

Котта (Аврелий Котта) — дядя Юлия Цезаря по матери

Юлия Старшая — сестра Юлия Цезаря

Юлия Младшая — сестра Юлия Цезаря

Юлий Цезарь-старший — отец

Марк Антоний Гнифон — наставник Юлия Цезаря

Вожди партии оптиматов и принадлежащие к ней сенаторы

Цицерон (Марк Туллий Цицерон) — законник, сенатор

Красс (Марк Лициний Красс) — молодой сенатор

Долабелла (Гней Корнелий Долабелла) — сенатор, наместник

Лукулл (Луций Лициний Лукулл) — проквестор на Востоке

Метелл (Квинт Цецилий Метелл Пий) — вождь оптиматов

Помпей (Гней Помпей) — судья, сенатор

Сулла (Луций Корнелий Сулла) — диктатор Рима

Терм (Квинт Минуций Терм) — пропретор на Лесбосе

Вожди партии популяров и принадлежащие к ней сенаторы

Цинна (Луций Корнелий Цинна) — вождь популяров, сенатор,
консул, отец Корнелии

Фимбрия (Гай Флавий Фимбрия) — легат

Флакк (Валерий Флакк) — консул

¹ Действующие лица (*лат.*).

Главция (Гай Сервилий Главция) — плебейский трибун, претор
Лабиен (Тит Лабиен) — друг Цезаря, военный трибун
Марий (Гай Марий) — вождь популяров, семикратный консул,
дядя Юлия Цезаря по отцу
Сатурнин (Луций Апулей Сатурнин) — плебейский трибун
Серторий (Квинт Серторий) — народный вождь, доверенное ли-
цо Гая Мария
Руф (Сульпиций Руф) — плебейский трибун

Граждане Македонии

Аэроп — отец Мирталы, знатный горожанин
Архелай — знатный юноша
Миртала — знатная девушка, дочь Аэропа
Орест — пожилой знатный македонянин
Пердикка — знатный юноша, жених Мирталы

Военные предводители с острова Лесбос

Анаксагор — сатрап Митилены
Питтак — второй по старшинству начальник на Митилене
Феофан — вождь митиленской знати

Другие персонажи

Ацилий Глабрион — зять Суллы
Анния — мать Корнелии
Гай Волькаций Тулл — центурион
Клавдий Марцелл — высокопоставленный римский военачаль-
ник
Корнелий Фагит — римский центурион
Эмилия — падчерица Суллы
Гортензий — законник
Марк — римский строитель
Метробий — актер
Митридат Четвертый — понтийский царь, заклятый враг Рима
на Востоке
Муция — торговка пряностями и другими продуктами в Риме
Секст — капитан корабля

DRAMATIS PERSONAE

Сорекс — актер

Греческий врач

Валерия — жена Суллы

Вет — римский строитель

Тевтобод — вождь тевтонов

А также преторы, судебные служители, рабы, рабыни, управляющие, легионеры, римские военачальники, понтийские военачальники, служители при клепсидах, безмянные римские граждане и так далее.

PRINCIPIUM¹

Укачивая младенца, мать шептала ему на ухо:

— Помни о своем происхождении, об истоках, о роде Юлиев, о семье твоего отца. Я, твоя мать, принадлежу к древнему роду Аврелиев, чье имя связано с солнцем, но к моей крови примешалась кровь твоего отца. Другие знатные семьи разбогатели благодаря взяточничеству и насилию, но род твоего отца — самый благородный и самый особенный во всем Риме: богиня Венера возлегла с пастухом Анхисом, так появился Эней. Затем Энею пришлось бежать из Трои, подожженной греками. Он бежал из города с отцом, женой Креузой и сыном Асканием, которого мы, римляне, называем Юлием. Отец Энея, Анхис, и жена Креуза умерли во время долгого путешествия из далекой Азии в Италию. Здесь Юлий, сын Энея, основал город Альба Лонга. Спустя годы бог Марс овладел прекрасной принцессой Реей Сильвией из Альба Лонга, праматерью Юлия, у нее родились Ромул и Рем. Ромул основал Рим, с него все началось. Твоя семья напрямую связана с Юлием, от которого получил свое имя род Юлиев. Мир ожидает твоих первых шагов, в нем есть патриции, многие из них стали сенаторами, а некоторые, очень богатые, составили себе состояние в последние годы расцвета Рима и поэтому считают себя избранными, будто они отмечены богами. Они считают, что имеют право на все и стоят выше прочих граждан, римского народа, а также наших италийских союзников. Эти подлые сенаторы зовут себя оптиматами, лучшими из лучших, но, сын мой, только твое семейство происходит напрямую от Юлия, сына Энея, только ты кровь от крови Венеры и Марса. Только ты — особенный. Ты, мой малыш. Только ты. И я молю Венеру и Мар-

¹ Начало (*лат.*).

PRINCIPIUM

са, чтобы они защищали тебя и оберегали как в мирное время, так и на войне. Ибо твоя жизнь будет связана с войнами, сын мой. Это твоя судьба. Будь же сильным, как Марс, и победоносным, как Венера. Помни всегда, сын мой: Рим — это ты.

Аврелия снова и снова нашептывала эту историю на ухо сыну, которому было всего несколько месяцев от роду, нашептывала ее, как молитву, слова проникали в сознание малыша и сопровождали его на протяжении многих лет. Слова Аврелии проникли в его душу и остались в памяти, словно высеченные на камне, навсегда определив судьбу Юлия Цезаря.

PROOEMIUM¹

Западное Средиземноморье

II и I вв. до н. э.

Рим безудержно разрастался.

После падения Карфагенской империи он стал господствовать в Западном Средиземноморье. Но этого было мало: верша судьбы Испании, Сицилии, Сардинии, различных областей Северной Африки и всей Италии, он жадно поглядывал в сторону севера, на Цизальпийскую Галлию, и в сторону востока, на Грецию и Македонию.

Благодаря этому гигантскому росту казна римского государства пополнялась, но распределение богатства и новоприобретенных земель было неравномерным: несколько аристократических семейств, сплотившихся вокруг Сената, из года в год прибирали себе землю и деньги, в то время как подавляющее большинство римлян и крестьян из соседних городов не участвовали в этом грандиозном празднестве богатства и власти: угоды оставались в руках горстки крупных землевладельцев-сенаторов, золото, серебро и рабы доставались одним и тем же патрицианским родам.

Такое неравенство породило внутренние раздоры: народное собрание во главе с его вождями, плебейскими трибунами, выступило против Сената, требуя справедливого распределения власти и богатств. Появились отважные люди, требовавшие изменения законов и передела земель. Одним из них был Тиберий Семпроний Гракх. Сын Корнелии и, следовательно, внук Сципиона Африканского, он был избран плебейским трибуном и продвигал закон о разделе земли в 133 г. до н. э., но Сенат послал десятка наемных убийц, те устроили засаду перед Капитолием и среди

¹ Предисловие (*лат.*).

бела дня забили его насмерть дубинами и камнями. Тело сбросили в Тибр без погребения. Его брат, Гай Семпроний Гракх, также избранный трибуном, попытался возобновить реформы, начатые Тиберием за двенадцать лет до того. Именно тогда Сенат впервые обнародовал чрезвычайное постановление — *senatus consultum ultimum*, которое наделяло двух носителей верховной власти, римских консулов, правом арестовать и казнить Гая Гракха, а также любых других трибунов, которые станут выступать за перераспределение земель. В 121 г. до н. э., окруженный наемными убийцами, которых послали консулы и Сенат, Гай Гракх приказал рабу убить его, не желая попасть в руки врагов.

Сторонники преобразований сгруппировались вокруг партии так называемых популяров, отстаивавших реформы злополучного Гракха. Сенаторы, настроенные более консервативно, создали партию оптиматов, то есть «лучших», поскольку действительно считали себя лучше других. Население Рима открыто разделилось на две непримиримые стороны. К этим двум несогласным сторонам добавилась третья — жители италийских городов, союзников Рима: решения, влиявшие на их будущее, принимались римскими сенаторами или гражданами без их ведома. Эта третья группа требовала римского гражданства, а вместе с ним и права голоса, чтобы принимать участие в решениях, которые непосредственно касались их.

Народное собрание избирало новых трибунов, которые снова пытались провести в жизнь реформы, начатые Гракхами много лет назад. Но все они погибали от рук вооруженных убийц, нанятых сенаторами. Рим разделился на три части: популяры, оптиматы и союзники. Но однажды появился молодой римлянин, патриций, равнодушный к нуждам популяров и союзников и обративший внимание на четвертую группу, которую прежде никто не замечал: провинциалы, жители присоединенных Римом стран, от Испании до Греции и Македонии, от Альп до Африки.

Этот юноша полагал, что существующее положение вещей должно измениться раз и навсегда, но ему едва исполнилось двадцать три года, и он был одинок. Мало кто обращал на него внимание до суда, состоявшегося в 77 г. до н. э., когда он, несмотря на молодость, согласился выступить в качестве обвинителя.

Подсудимым, обвинявшимся в том, что он брал взятки, будучи наместником Македонии, был всемогущий сенатор Гней Корнелий Долабелла, правая рука вождя сенаторов-оптиматов Луция Корнелия Суллы.

Судьями были сенаторы, в соответствии с законами Суллы, которые предоставляли Сенату судебные полномочия; они склонялись к оправданию Долабеллы, нанявшего, помимо прочего, двух лучших защитников: Гортензия и Аврелия Котту. Вот почему с самого начала никто не соглашался быть обвинителем по этому заведомо проигрышному делу. Только безумец или невежда согласился бы выступить с обвинением в подобных обстоятельствах.

Долабелла рассмеялся, услышав имя обвинителя. Он, как и прежде, безмятежно веселился на вечеринках и пирах, предаваясь разгулу и ожидая суда, который считал заранее выигранным.

Молодого, неопытного обвинителя звали Гай Юлий Цезарь.

СУД I *PETITIO*

Свободный человек подавал законнику прошение, чтобы тот стал его защитником либо обвинителем в римском суде. Если податель не был римлянином, он должен был найти римского гражданина, согласного стать его защитником, особенно если хотел привлечь к ответственности другого римского гражданина.

I

РЕШЕНИЕ ЦЕЗАРЯ

*Domus Юлиев, квартал Субура
Рим, 77 г. до н. э.*

— Все, кто пытался сделать то же самое, мертвы. Тебя ждет беда. Ты не должен, не можешь принять то, что тебе предлагают. Это самоубийство. — Тит Лабием говорил возбужденно и страстно: так вещают, пытаясь убедить друга не совершать роковую ошибку. — Мир не изменишь, Гай, и суд исходит именно из этого. Должен ли я напомнить имена всех, кто погиб, пытаясь добиться перемен и противостоять сенаторам? Они от века всем заправляли, так будет и дальше. Нельзя ничего изменить. Можно присоединиться к тем, кто распоряжается, или, напротив, держаться от них подальше, но никогда, слышишь, Гай, никогда не связывайся с сенаторами-оптиматами. Это тебя убьет. И ты это знаешь.

Цезарь внимательно слушал лучшего, самого старого друга. Он знал, что Лабием говорит искренне. Впрочем, именно в эту минуту тот ничего не говорил.

Девятнадцатилетняя Корнелия, юная жена Цезаря, стояла в центре атриума. Цезарь расхаживал вокруг нее, обдумывая слова Лабиема и напряженно размышляя, какой ответ дать македонянам, явившимся просить о помощи.

Молчание Цезаря беспокоило Лабиема. Он начинал опасаться, что его слова недостаточно сильны, что он не сможет убедить друга. Видя, как он ходит вокруг Корнелии — очередное подтверждение того, как много значила для Цезаря жена, — Лабием решил сделать своим орудием любовь, о которой всем было известно, и заговорил с ней:

— Корнелия, клянусь Геркулесом, ты же любишь мужа. Скажи ему, чтобы ради тебя, ради матери, ради семьи он отказался

от этого безумия. Долабелла неприкосновенен. Гай чуть не погиб, замахнувшись на Суллу, но, если он выступит в суде против его правой руки, считай, что он мертв. Ради всех богов, скажи что-нибудь!

Корнелия моргала, слушая его.

Послышался плач. В атриум примчалась пятилетняя малышка Юлия, дочь Цезаря и Корнелии. За ней по пятам бежала рабыня.

— Простите, госпожа, простите, — извинялась она. — За девочкой не угонишься.

— Мама, мама! — закричала малышка и вцепилась в колени матери.

Появление Юлии избавило Корнелию от необходимости отвечать на вопрос.

— Сейчас вернусь, — сказала Корнелия, беря дочь за руку и уводя прочь. Цезарь мрачно кивнул, глядя на жену.

— Папа, — сказала девочка, проходя мимо.

Гай Юлий Цезарь улыбнулся.

Корнелия потянула дочку за собой и исчезла вместе с рабыней в дальнем конце атриума.

Теперь Лабиен должен был в одиночку убеждать друга выбросить из головы опасную затею, но он и не думал сдаваться. Он продолжал говорить, не обращая внимания на стоявших в уголке представителей Македонии, римской провинции, которые желали нанять Юлия Цезаря в качестве защитника. Пердикка, Архелай и Аэроп. Слова Тита Лабиена смущали их, но они не осмеливались вмешиваться в спор римских граждан.

— Слушай меня внимательно, Гай, — продолжал Лабиен, не смотря на враждебные взгляды македонян, — если ты согласишься, тебя сначала разгромят на суде, а затем прирежут на темной улице или прямо на Форуме, среди бела дня. Такое уже случилось. После смерти твоего дяди Мария и полной победы Суллы сенаторы-оптиматы вконец осмелели. Сейчас они сильнее, чем когда-либо прежде. Слушай меня внимательно: даже если суд вынесет решение в твою пользу, ты столкнешься с Коттой, собственным дядей, братом твоей матери, которого Долабелла нанял для защиты. Тебе это надо? Зачем твоей бедной матери выбирать между братом и сыном?

При этих словах Юлий Цезарь слегка поднял руку, как бы умоляя друга замолчать, опустил взгляд и уставился на потрескавшуюся мозаику пола.

Они принадлежали к патрициям, родовой аристократии, но после падения другого дяди Цезаря, великого Гая Мария, денег у них было куда меньше, чем хотелось бы. Сулла отнял у Юлиев, вождей и сторонников популяров, много всякого имущества. Не было средств даже на то, чтобы починить несчастную попорченную мозаику. Но юного Цезаря беспокоило другое.

— Главное — не это, — сказал он наконец.

Снова появилась Корнелия и тихо, незаметно заняла свое место в центре атриума, рядом с мужем. За малышкой снова присматривали рабыни. Юлия капризничала: она болела, но вроде бы шла на поправку. Корнелия знала, что малышка улавливает напряжение в доме и это сказывается на ее здоровье. Говорят, дети чувствуют, когда беда близка. Правда ли это? Размышления супруги Цезаря были прерваны спокойным, твердым голосом ее мужа.

— С Юлией все в порядке?

— Кажется, ей лучше. Лихорадки уже нет. Не волнуйся за нее, — быстро и четко ответила Корнелия, всегда готовая поддерживать его. Не время беспокоить мужа без надобности. На кону стояли более важные дела, нежели капризы маленькой девочки.

— А что же? — Лабиев возобновил беседу с того места, где они остановились: он сказал так много всего, убеждая друга не участвовать в суде против Долабеллы, что запутался и не знал, о чем говорит Цезарь.

— Моя мать, Аврелия. — Юлий произнес ее имя громко и отчетливо: каждая буква в его устах подчеркивала огромную власть, которую мать по-прежнему имела над ним. — Как, по ее мнению, лучше поступить: стать обвинителем на суде, где мой дядя Котта выступает защитником, что, по твоему верному замечанию, чревато раздором в семье, или, напротив, не соглашаться, не вмешиваться в эти дела, даже если кровь закипает у меня в жилах? Долабелла был одним из презренных приспешников Суллы. Если хотя бы половина из того, что они говорят, правда, — добавил он, кивнув в сторону македонян, — он совершил ужасные преступления, тем более отвратительные, что сенатор должен пода-

вать пример своим поведением, и обязан заплатить высокую цену. Долабелла — один из наших врагов. Можно ли упустить его сейчас и не предать публичному суду за все то зло, которое он нам причинил, поддержав отъем нашего имущества Суллой и присвоив себе его часть?

— У тебя не хватит сил, чтобы противостоять таким опытным защитникам, как твой дядя Котта или Гортензий, а заодно судьям, которые наверняка получают взятку, — здраво возразил Лабиен.

Подкуп судей считался в Риме обычным делом, особенно если обвиняемый был могущественным и богатым сенатором. Взяточничество в особенности расцвело после судебной реформы Суллы: отныне суды, рассматривавшие дела сенаторов, также состояли из сенаторов. Будучи консулом, Долабелла получил триумф за разгром фракийцев и сколотил огромное состояние, воспользовавшись проскрипциями диктатора Суллы. Судя по рассказам стоявших в атриуме македонян, он еще больше увеличил это состояние, и без того огромное, растратив государственные средства и вынудив жителей этой богатой провинции платить назначенную им самим дань. Деньги всегда побеждали в римских судах. Долабелла был слишком богатым сенатором, чтобы другие *patres conscripti* осмеливались его осудить. Размах злодеяний не имел значения. И никого не волновало то обстоятельство, что помимо кражи денег он совершал и другие преступления.

— Корнелия, ради всех богов, ради всего, что ты любишь, не дай мужу совершить это безумие, — взмолился Лабиен, глядя на Корнелию.

Наступила тишина.

Девочка больше не вбегала в атриум, и теперь ничто не могло помешать Корнелии высказаться. Лабиен знал, что, несмотря на молодость жены, ее суждение было важно для Цезаря.

Она опустила взгляд и стала рассматривать шрам на левой икре Лабиена, навсегда связавший его с Цезарем, которому он был бесконечно верен. Корнелия не любила спорить с Лабиеном, но мнение мужа было превыше всего.

— Любое решение мужа... — начала она, — любое решение мужа будет правильным. Я его поддерживаю. Как и он, — она посмотрела ему в глаза, — как и он всегда поддерживал меня.